

П. Ф. Николаев

1812 год в жизни

А. С. Пушкина

Павел Николаев

1812 год в жизни А. С. Пушкина

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82-94
ББК 83

Николаев П. Ф.

1812 год в жизни А. С. Пушкина / П. Ф. Николаев — «У
Никитских ворот», 2018

ISBN 978-5-00095-470-6

Сознательная жизнь А. С. Пушкина пришлась на череду непрерывных войн, которые вела Россия: Отечественная война 1812 года, заграничные походы русской армии 1813–1814 годов, Русско-иранская (1826–1828) и Русско-турецкая (1828–1829) войны, подавление восстания в Польше (1830–1831). С 1816 по 1859 год шло завоевание Северного Кавказа. И на все эти события откликался великий поэт. Но особое место в его творчестве заняли наполеоновские войны. Им и их участникам (многих из которых он знал лично) посвящено немало произведений гениального поэта, что по существу открывает в его творчестве особую страницу в русской литературе – батальную историю России.

УДК 82-94
ББК 83

ISBN 978-5-00095-470-6

© Николаев П. Ф., 2018
© У Никитских ворот, 2018

Содержание

Предуведомление	6
Часть первая	7
«Спешу в смиренный свой приют»	8
«Мгновенью жизни будь послушен»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Павел Федорович Николаев

1812 год в жизни А. С. Пушкина

© Николаев П. Ф., 2018

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2018

* * *

Предуведомление

Книга, предлагаемая вниманию читателей, не является биографией Пушкина, ибо её цель более ограничена: рассказать о тех произведениях великого поэта, в которых повествуется о событиях Отечественной войны 1812 года и зарубежных походах русской армии 1813–1814 годов. Ввиду их эпохальности и невозможности в стихотворной форме полностью выразить суть явлений, содержание пушкинских текстов дополняется пояснениями историко-справочного характера.

Многие современники Пушкина видели в нём задатки незаурядного военного и предрекали ему успешную карьеру на марсовом поприще. Не случилось. Но интерес к военной истории был у Александра Сергеевича стабилен всю жизнь. И в немалой степени этому содействовало постоянное военное окружение поэта (особенно в молодости) – от ополченцев до генерал-фельдмаршала. Поэтому в книге немало страниц отведено тем, кто в той или иной степени проявил себя в ратном деле и соприкасался с поэтом.

Военное окружение Пушкина органически входит в его биографию, и наше понимание творческого наследия гения во многом зависит от того, насколько мы знаем среду, в которой он жил.

Часть первая Детство, Отрочество, Юность

«Спешу в смиренный свой приют».

Лицейские годы поэта

«Текла за ратью рать». «В Париже росс!» «Сто дней». «Отважной верою исполнилася грудь». Вне стен лицея. «В нём пуниа и войны кипит всегдашний жар». «Куда зарыл ты свой золотой талант?» «Всегда мудрец, а иногда мечтатель».

«Мгновенью жизни будь послушен»

Столица

Колебания. Поэт и царь. «Гролом говорит». Изгнание. Русский Тиртей. «Творишь ты для немногих». «Язвительный поэт, остряк замысловатый». «Товарищ милый, но лукавый». Случайная встреча.

«Спешу в смиренный свой приют» Лицейские годы поэта, 1811–1817

– Да, Пушкин был великий поэт.

– Более того, он был лицеистом.

(Анекдот начала XX столетия)

«*Текла за ратью рать*». В 25 километрах от Петербурга в живописной местности раскинулся знаменитый пригород Северной Пальмиры – город Пушкин. Начало ему дало Царское Село, бывшее два века летней резиденцией царской семьи, обосновавшейся в Екатерининском дворце.

19 октября 1811 года в одном из флигелей дворца состоялось открытие Царскосельского (Александровского) лицея. Это учебное заведение было нечто средним между существовавшими тогда гимназиями, кадетскими корпусами и университетом. Образование в лицее предполагалось энциклопедического характера; предназначался он для подготовки высших государственных чиновников.

Царскосельский лицей

Первым директором Царскосельского лицея был Василий Фёдорович Малиновский – учёный, просветитель и педагог, автор записки «Об освобождении рабов» (1802). По его предложению девизом лицея стала универсальная формула: «Общее дело для общей пользы».

В этом учебном заведении и пережил события Отечественной войны и заграничных походов русской армии Александр Пушкин. О возможной войне с Францией говорили задолго до её начала. Слухи, доходившие до лицеистов, подогревались рассказами о появлении в небе кометы. Достоверность их подтверждалась тем, что якобы сама императрица запросила у столичных астрологов сведения о страннице Вселенной. Их ответ был неутешителен: кометы появляются накануне важных событий, особенно войн.

23 марта 1812 года был опубликован Манифест Александра I о рекрутском наборе, и всё стало ясно. В апреле царь выехал в Вильно, в районе которого располагалась 1-я Западная

армия. За государем последовали гвардейские полки. Они шли через Царское Село, прямо под остеклённой галереей лица, и его воспитанники не отходили от окон, пока последний солдат не исчезал за поворотом дороги. Проводы так воодушевляли подростков, что они забрасывали под лавки учебники французского языка.

По воспоминаниям барона М. А. Корфа, сокурсника поэта, лицеистов особенно поразил вид народных дружинников с крестами на шапках и иррегулярные казачьи полки. По-видимому, в этом наблюдении нет юношеского преувеличения, так как одним из первых опытов начинавшего поэта стало стихотворение «Казак» (1814):

*Раз, полнощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.*

*Черна шапка набекрени,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.*

*Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль...*

О начале войны лицеисты узнали из манифеста от 13(25) июня. Царь взывал ко всем подданным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, призывая их «единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений», поражать неприятеля на каждом его шаге, не внимать никаким его лукавствам и обманам. Манифест содержал знаменитую фразу: «Соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют».

Светскую власть поддержала Церковь. Священный синод выпустил воззвание, которое вместе с царским манифестом читалось во всех храмах страны. В воззвании Наполеон именовался «властолюбивым, ненасытным, не хранящим клятв, не уважающим алтарей врагом, который покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим и на благолепие храмов Божиих простирает хищную руку». Начавшуюся войну Церковь рассматривала, как нависшее над Россией искушение; его надо преодолеть с Божьей помощью и ещё больше утвердиться на Его промысел. С амвонов российских храмов звучал призыв «принять оружие и щит, охранить веру отцов».

Царский манифест и воззвание Синода сыграли немалую роль в духовном вооружении населения России. Пушкин говорил: «Известие о нашествии и воззвание государя поразили нас».

С замиранием сердца следили подростки за развитием событий: в действующих армиях (1-й и 2-й Западных) у многих были родственники. С непосредственностью и нетерпением отрочества, с его преувеличенным представлением о своих возможностях они рвались вослед ушедшим.

Наполеон с основными силами Великой армии рвался к Москве, на Петербург наступал маршал Н. Удино, которому противостоял 1-й пехотный корпус генерала П. Х. Витгенштейна. Надежды на успех действий последнего были минимальными, поэтому царь сразу озабочился тем, чтобы сохранить исторические и художественные ценности столицы. Находясь в армии,

Александр направил 4 июля рескрипт фельдмаршалу Н. И. Салтыкову, в котором указывал на необходимость вывоза из Петербурга архивов, картин Эрмитажа, дворцовых драгоценностей, военных трофеев, двух статуй Петра I и статуи А. В. Суворова, книг и рукописей Императорской публичной библиотеки.

Приготовления к эвакуации вызвали обоснованное беспокойство населения столицы, и в «Санкт-петербургских ведомостях» появилось следующее разъяснение: «Здесь, в Санкт-Петербурге, берутся некоторые меры к вывозу отселе нужных вещей. Сие отнюдь не для того делается, чтобы какая-нибудь опасность угрожала столице. Настоящее время не представляет никакой опасности, но мы бы погрешили против Бога, если б с несомненною уверенностию стали утверждать будущее, о котором Он один знает. Вся надежда на искоренение врагов, невзирая на успех движения их внутрь России на нашей стороне. Однако и в самых надёжных обстоятельствах помышление о предосторожности не долженствует наводить ни страха, ни уныния».

Редкую заботливость о лицеистах показал в это время граф А. К. Разумовский, глава Министерства народного просвещения. В предписании директору лицея Малиновскому о перемещении этого учебного заведения в другую губернию он ставил вопросы о одежде и обуви лицеистов, о приобретении дорожной посуды, о медицинском персонале и прочем. Словом, искренне радел о судьбе тринадцатилетних отроков в той глуши, куда их могла забросить неизвестность военных бурь.

К счастью, Витгенштейну удалось сдержать напор корпуса Удино. 18–19 июля у селения Клястицы Дрисского уезда Витебской губернии наступление противника было остановлено и необходимость в эвакуации людей, материальных и художественных ценностей Петербурга отпала. Царь высоко оценил действия Витгенштейна: он был награждён орденом Св. Георгия 2-го класса и получил известность как спаситель Петербурга. Лицеист Пушкин упомянул прославившегося генерала в своём первом опубликованном стихотворении «К другу стихотворцу»:

*Не тот поэт, кто рифмы плестъ умеет
И, перьями скрипя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштейну французов побеждать.*

По поводу последнего утверждения подростка следует сказать, что победа при Клястице далась трудно. Витгенштейн доносил царю: «После упорнейших и кровопролитных сражений, продолжавшихся три дня непрерывно от самого утра до ночи, наконец, благодарение Всещедрому Богу и слава победоносным российским войскам, победа над коварным и сильным врагом Отечества нашего нами одержана. Корпус маршала Удино, состоявший из трёх лучших французских пехотных дивизий, совершенно разбит, приведён в величайшее расстройство, ретировался в беспорядке и спасся только помощью лесных мест и переправою через маленькие речки, на которых жёг и истреблял мосты, чем удерживал и останавливал быстроту нашего за ним преследования».

Корпус Витгенштейна остановил наступление противника, но на главном направлении основные корпуса Великой армии продолжали теснить русских – 1-я и 2-я Западные армии (Барклая де Толли и Багратиона) отходили к Смоленску.

В сражении под Салтановкой 7-й пехотный корпус, которым командовал генерал Н. Н. Раевский, задержал наступление корпуса маршала Даву и обеспечил отход 2-й Западной армии к Смоленску. По молниеносно распространённому рассказу, при атаке противника Николай Николаевич держал около себя сыновей. Старшему из них было шестнадцать лет, младшему – десять. Информация об этом была опубликована в газете «Северная почта» (она выходила в Петербурге) и гласила: «Сколь ни известно общее врождённое во всех истинных сынах России

пламенное усердие к государю и Отечеству, мы не можем, однако, умолчать перед публикою следующего происшествия, подтверждающего сие разительным образом. Перед одним бывшим в сию войну сражением, когда генерал-лейтенант Раевский готовился атаковать неприятеля, то, будучи уверен, сколько личный пример начальника одушевляет подчинённых ему воинов, вышел он пред колонну не только сам, но поставил подле себя и двух юных сыновей своих и закричал:

– Вперёд, ребята, за царя и Отечество! Я и дети мои, коих я приношу в жертву, откроем вам путь.

Чувство героической любви к Отечеству в сем почтенном воине должно быть весьма сильно, когда оно и самый глас нежной любви родительской заставило умолкнуть» (73, 115)¹.

Аналогичное сообщение появилось и в десятом номере «Русского вестника» С. Н. Глинки. Там было напечатано стихотворение Сергея Николаевича, содержащее следующие строки:

*Великодушный русский воин,
Всеобщих ты похвал достоин:
Себя и юных двух сынов —
Приносишь всё царю и Богу;
Дела твои сильнее всех слов,
Ведя на бой российских львов,
Вещал: «Сынов не пожалею.
Готов я с ними вместе лечь,
Чтоб злобу лишь врагов пресечь!..
Мы россы!.. умирать умеем».*

В журналах, газетах и других печатных изданиях прославлялись подвиги военачальников и простых ратников. Надо ли говорить о том, как это действовало на отроков Царскосельского лицея. Что касается Пушкина, то его буквально сразил тот факт, что в войне участвует его ровесник. Сам генерал Раевский отрицал подлинность данного эпизода сражения под Салтыковкой, но вымысел этот сыграл свою роль в поддержании патриотических чувств россиян.

Рассказ о подвиге генерала Раевского относится к жанру анекдотов, которые обильно печатались в журналах «Сын Отечества», «Русский вестник» и «Вестник Европы». В начале XIX столетия под понятием «анекдот» подразумевался короткий поучительный или сатирический рассказ, раскрывавший героизм человека. Многие из анекдотов были сочинены редакторами и авторами журналов, и их герои не имели реальных прототипов. Таковы русский «Сцевола», отрубивший себе руку с клеймом неприятеля; «Курций», бросающийся на французского полковника, приняв его за Наполеона; простой повар, сражавшийся с кирасирами вражеской гвардии; российский «Геркулес», припёрший могучим плечом дверь с тремя десятками французов в горящей избе; раненый русский гренадёр, не понимающий, почему лекарь шупает ему спину: «Ведь я шёл грудью»; старостиха Василиса, ведущая пленных и убивающая косою офицера, приговаривая при этом: «Всем вам, вора, собакам, будет то же. Уж я двадцати семи таким же вашим озорникам сорвала головы!»

...Задержка противника под Салтыковкой не предотвратила его движения на восток. 5 августа пал Смоленск – ворота на Москву оказались открытыми настежь. Это вынудило Александра I поставить во главе всех Вооружённых сил России М. И. Кутузова, которого он не

¹ «Расшифровку» ссылок смотрите в разделе «Использованная литература». Первая цифра указывает на автора, вторая – цитируемую страницу книги.

любил и в военные таланты которого не верил. Пойти на этот шаг царя заставило требование московского дворянства.

Отстранение Барклая де Толли от общего командования 1-й и 2-й Западными армиями не прошло незамеченным Пушкиным, так как Михаил Богданович был родственником его товарища Вильгельма Кюхельбекера, которого Александр величал «лицейской жизни милым братом». В эти дни Вильгельм получил весточку из дома; мать писала: «Барклай теперь даёт доказательство того, что любит своё Отечество, так как по собственной воле служит в качестве подчинённого, тогда как он сам был главнокомандующим. Впрочем, пишу это для тебя – учись не быть никогда поспешным в суждениях и не сразу соглашайся с теми, которые порицают людей».

30 августа в Петербурге было получено донесение Кутузова о сражении при Бородино. Михаил Илларионович сообщал царю, что оно «кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходящими своими силами». Эту осторожную фразу Александр I воспринял как реляцию главнокомандующего о победе, о чём тут же были оповещены жители столицы, что вызвало бурю восторга. Очевидец писал: «Весь город высыпал на улицы. Все, поздравляя друг друга с победой, обнимались, лобызались. С тех пор как Петербург стоит, не было такого ликования».

Но через две недели в город пришла чёрная весть: французы вошли в Москву, которую русская армия оставила без боя, и слава «выигранной» битвы сразу померкла.

Лицейисты тяжело переживали неудачу под Бородино. «Не могу не вспомнить, – писал М. А. Корф, – горячих слёз, которые мы проливали над Бородинскою битвой, признанною тогда победой, но в которой мы инстинктивно видели другое».

Особенно близко принял Александр к сердцу известие о падении старой столицы:

Пушкин-отрок

*Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет*

*Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принёс я миценья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!*

С Москвой были связаны воспоминания о беззаботном детстве, в котором Александр был окружён вниманием родителей и близких родственников. Отрок с тоской вспоминал город, украшенный златоглавыми храмами, дворцами вельмож, садами и парками. И всё это сгинуло в пламени небывалого пожара:

*Где ты, краса Москвы стоголавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни...*

Ободрающую ноту в роковое известие внёс И. А. Крылов. В одном из номеров журнала «Сын Отечества» была помещена заметка о том, что в изолированной Москве французы употребляют в пищу ворон. Иван Андреевич откликнулся на неё басней «Ворона и Курица»:

*Когда смоленский князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой...*

С первых строк басни читателям внушалась мысль о том, что оставление Москвы связано со стратегическим замыслом М. И. Кутузова, что Москва – это искусная ловушка, призванная погубить завоевателей: «Попался, как ворона в суп». Эту заключительную фразу басни читатели относили (и не без основания) к самому Наполеону.

Басней «Волк на псарне» Крылов откликнулся на миссию Ж. А. Лористона, через которого французский император сделал последнюю попытку заключить мир:

*Друзья! К чему весь этот шум?
Я ваш старинный сват и кум.
Пришёл мириться к вам, совсем не ради ссоры,
Забудем прошлое, устроим общий лад!..*

Не выходя из рамок басенного иносказания, Крылов дал замечательный по выразительности образ Кутузова в виде старика-ловчего, здравый народный смысл которого не позволил ему вступить в переговоры с хищником:

*А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой.*

Широкое распространение получила в 1812 году карикатура; она способствовала возбуждению ненависти к завоевателям и их вождю. Карикатуры были своего рода памфлетами и способствовали организации борьбы народа против более сильного противника. Стил карикатур был тенденциозно-аляповатый, оглуплявший врага. Это способствовало их широкому распространению. Тиражированием карикатур занимались не только государственные и частные типографии, но и походная, существовавшая при Главной квартире армии.

Карикатуры имели очень большое политическое и воспитательное значение: изображая слабость французской армии, они усиливали веру в мощь и непобедимость русских; заставляя смеяться над врагами, придавали храбрости и уверенности в схватках с противником; возбуждали любовь к родине, народу, ко всему своему, национальному.

И что было важно для будущего: русская карикатура 1812 года стала значительной вехой в развитии отечественного искусства. Именно на карикатурах и картинках для народа появились впервые русский мужик, русский солдат, русская изба и русская природа.

В тяжёлую для страны годину Александр с жадностью читал приказы по армии, бюллетени, рескрипты и донесения. Преподаватели со своей стороны всячески способствовали приобщению лицеистов к этому виду «словесности». И. И. Пущин вспоминал: «Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий».

И лицеисты делали это с удовольствием, особенно после того, как в Петербурге была опубликована реляция об оставлении захватчиками старой столицы: «Неприятель, теснимый и вседневно поражаемый нашими войсками, вынужден был очистить Москву 11 октября».

Через два дня после этого сообщения Великая армия, не сумев прорваться в южные районы России, вынуждена была начать отступление. Враг уходил на запад по той же дороге, по которой пришёл в далёкую «северную» страну. Дорога эта (и её окрестности) была разорена, что лишило противника продовольственной базы. А в начале ноября начались заморозки, быстро перешедшие в зимнюю стужу, и недавние мужественные воины, теснимые русскими, быстро превратились в дезорганизованные толпы отчаявшихся людей.

*...Они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престанёт в снегах реками течь;
Бегут – и в тьме ночной их глад и смерть сретают,
А с тыла гонит русский меч, – писал Пушкин.*

Уже в ходе Отечественной войны царь начал подготавливать общественное мнение к её продолжению с целью освобождения Европы от владычества Наполеона. В особом «Известии о состоянии Москвы» от 17 октября, составленном по высочайшему повелению и обнародованном в церквях, заявлялось, что определение «неприятель» для солдат и офицеров Великой армии слишком привычно для слуха и совершенно недостаточно по существу. Поведение их недостойно не только просвещённого народа, но даже дикарей, показывающих только склонности к грабежу, а не к разрушению того, что они не могут взять и что им не нужно.

Подражание Франции и французам, господствовавшее в русском обществе все годы, предшествовавшие Отечественной войне, признавалось ошибочным, и предлагалось порвать со страной мятежников все нравственные связи, возвратиться к чистоте и непорочности «наших нравов». Франция и Россия противопоставлялись друг другу как «безбожие» и «благочестие», как «порок» и «добродетель», война между которыми должна продолжаться до победного конца.

23 ноября Наполеон, бросив жалкие остатки Великой армии, уехал в Париж. Это «действие» императора породило следующий анекдот. Достигнув пограничной реки Неман, он вышел из возка и увидел крестьянина-литовца, который с интересом разглядывал его.

- Ты местный житель? – спросил император.
- Да, – ответил крестьянин.
- А не скажешь ли, много дезертиров уже переправились через Неман?
- Вы первый, – последовал ответ.

3 декабря русские взяли приграничный город Ковно. Жалкие остатки Великой армии отступили за Неман – Россия была освобождена от нашествия «двунадесяти языцев». В приказе по армии М. И. Кутузов писал: «Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах империи, каждый из вас есть спаситель Отечества. Россия приветствует вас сим именем.

Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу. Не было ещё примера столь блистательных побед. Два месяца сряду рука ваша каждодневно карала злодеев. Путь их усеян трупами. Смерть носилась в рядах неприятельских. Тысячи падали разом и погибали. Тако всемогущий Бог изъявлял на них гнев свой и поборил своему народу» (53, 633).

На Рождество, 25 декабря, царским манифестом народу было возведено об освобождении России от вражеского нашествия. Главной причиной великой победы в манифесте называлась помощь Бога: «Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующего войсками нашими знаменитого полководца, принёсшего бессмертные Отечеству заслуги, ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ознаменовавших себя рвением и усердием, ни вообще у всего храброго нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих. Итак, да познаем в великом деле сём Промысел Божий».

В другом манифесте, изданном в тот же день, царь объявил о своём намерении соорудить храм во имя Христа Спасителя «в ознаменование благодарности к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели». Эта же мысль выражена на оборотной стороне медали, учреждённой 5 февраля 1813 года: «Не нам, не нам, а имени Твоему».

Оба манифеста были написаны государственным секретарём А. С. Шишковым и произвели большое впечатление на тринадцатилетнего Пушкина. Позднее смысл первого из них он отразил в следующих блестящих строках:

*Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?*

«**В Париже росс**». 20 декабря (1 января по н. ст.) русская армия перешла Неман; начался заграничный поход, в котором победоносные войска почти сразу потеряли главнокомандующего. И. И. Кутузов скончался 16 апреля 1813 года в силезском городе Бунцлау. После балзамирования тело Михаила Илларионовича было доставлено в Петербург и 13 июня торжественно захоронено в Казанском соборе, который к этому времени в сознании народа стал памятником Отечественной войны (25 декабря 1812 года в соборе было размещено 27 трофейных знамён, в 1814 году их было там 115 и 94 ключа от городов и крепостей).

Похороны спасителя России широко освещались в печати и едва ли оставили равнодушными лицеистов, которых подготавливали к государственной деятельности.

С 4 по 7 (12–19) октября 1813 года продолжалось сражение под Лейпцигом. Противники потеряли 120 тысяч человек, но победа осталась за союзниками (русскими, пруссаками и австрийцами). Небывалое побоище получило название «Битвы народов» и всколыхнуло всю Европу, владычество Наполеона над которой кончилось.

Кампания 1814 года началась на территории Франции и оказалась на удивление короткой. В самом её начале царь обратился со специальным воззванием к войскам. Напомнив о всём зле, принесённом России Великой армией, он заклинал соотечественников не уподоб-

ляться противнику, ибо «Богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство». «Забудем дела их, – взывал Александр, – понесём к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простёртую для примирения руку. Слава россиянина – низвергать ополченного врага и по исторжении из рук его оружия благодетельствовать ему и мирным его собратьям. Сему учит нас свято почитаемая в душах наших православная вера. Она божественными устами вещает нам: “Любите враги ваша и ненавидящим вас творите добро.” Воины! Я, несомненно, уверен, что вы кротким поведением своим в земле неприятельской столько же победите её великодушием своим, сколько оружием» (64, 34).

19(31) марта царь во главе союзных войск вступил в Париж. Н. И. Тургенев, участник и очевидец этого события, вспоминал: «Странную картину являл в то время сей большой город. Врагов, вступивших в него с оружием в руках, большая часть населения столицы приветствовала как освободителей. В то время император Александр проявил благородные и прекрасные черты характера. Напрасно было бы искать в истории другой пример такого великодушия и благородство со стороны победителя. Российский монарх возбуждал энтузиазм парижан, других государей практически не замечали. Даже когда видели их всех вместе, всё равно кричали: “Да здравствует император Александр!”» (64, 36).

В далёкой России юный поэт не без удивления восклицал:

*В Париже росс! – где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Ещё военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он – несёт врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.*

Вслед за капитуляцией столицы Франции последовали отречение Наполеона от престола и ссылка его на остров Эльба. На последний факт Пушкин откликнулся следующими строками в поэме «Бова»:

*Вы слышали, люди добрые,
О царе, что двадцать целых лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победою,
Мир крещёный потопил в крови,
Не щадил и некрещёного,
И в ничтожество низверженный
Александром, грозным ангелом,
Жизнь проводит в унижении
И, забытый всеми, кличется
Ныне Эльбы императором...*

Пока гениальный отрок упражнялся в стихосложении, столица готовилась к встрече победителей. По проекту А. Кваренги у Нарвской заставы были построены великолепные Триумфальные ворота. 12 июня 1814 года через них прошли воины Санкт-Петербургского ополчения. Газета «Северная почта» предупреждала читателей: «Мы не станем описывать здесь ни восхитительной радости родственников, увидевших драгоценных сердцам их юношей, которых

почитали уже погибшими на поле брани; ни спокойной судьбам Всевышнего покорности матерей, коих чада не возвратились оттуда и кои утешали себя тем, что Промысел Божий сподобил их славной смерти за веру и Отечество; ни восторгов детей, кидавшихся на шею отцам своим, возвратившимся от военных подвигов, с отличиями на груди, коими дети не могли налюбоваться; мы, не описывая всего того, знаем, что русские, читая сие, сами себе всё то представить могут, ибо умеют всё то чувствовать» (31, 166).

30 июля в город вошли лейб-гвардии полки Преображенский, Семёновский, Измайловский, Егерский, Гвардейский морской экипаж и две роты гвардейской артиллерии.

Газета «Русский инвалид» писала: «Нынешний день принадлежит к числу прекраснейших: победоносные воины императорской гвардии возвращались домой, покрытые лаврами». 6 сентября в столицу вошли гвардейцы Павловского и Финляндского полков, 18 октября – кавалергарды и конная гвардия, 25 октября – лейб-гвардии Казачий полк. Петербуржцы с восторгом и искренней радостью встречали овеванных славой победителей.

Пушкин писал позднее: «Война была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоёванные песни: *Vive Henri-Quatre*², тирольские вальсы и арии из «Жоконда»³. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собой, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове “Отечество”! Как сладки были слёзы свидания! С каким единомыслием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю!»

Все с нетерпением ждали царя; городские власти готовили пышную встречу. Узнав об этом, Александр писал главнокомандующему Санкт-Петербурга генералу С. К. Вязмитинову: «Сергей Козьмич! Дошло до моего сведения, что делаются разные приготовления к моей встрече. Един Всевышний причиною знаменитых происшествий, доверивших кровопролитную брань в Европе. Перед Ним все должны мы смиряться. Объявите повсюду мою волю, дабы никаких встреч и приёмов для меня не делать».

Запрет царя решила нарушить только его мать, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. В своей резиденции, в Павловске, она устроила праздник в честь венценосного сына. На нём была представлена интермедия и пропета кантата Г. Р. Державина: «Ты возвратился, благодатный, наш кроткий ангел, луч сердец!»

Празднование состоялось 27 июля. Гвоздём программы был балет, который разыгрывался на лугу около Розового павильона. Балетмейстер Гонзаго соорудил декорации с видом окрестностей Парижа и Монмартра. «Наш Агамемнон, миротворец Европы, низложитель Наполеона, сиял во всём величии, какое только доступно человеку», – вспоминал один из лицеистов.

От дворца императрицы к бальному павильону шла дорожка, над которой возвышались довольно узкие Триумфальные ворота. Над ними огромными буквами были выписаны следующие строки:

*Тебя, текуща ныне с бою,
Врата победы не вместят.*

Этот «шедевр» изящной словесности тут же сподвиг Александра нарисовать карикатуру: царь, раздобревший от многочисленных застолий, безуспешно пытается пролезть через ворота,

² Да здравствует Генрих IV.

³ «Жоконда» – комическая опера Н. Изоара.

а ошалевшие генералы его свиты расширяют их проём и пытаются протолкнуть в него императора.

Рисунок имел огромный успех у однокашников молодого поэта.

3 августа Святейший синод, Государственный совет и Сенат на общем чрезвычайном собрании вынесли постановление: в качестве выражения императору дани всеобщей признательности за прославление Отечества увековечить его деяния титулом «Благословенный», выбить в его честь медаль и воздвигнуть в столице памятник с надписью: «Александру Благословенному, императору Всероссийскому, великодушному держав восстановителю от признательной России».

Но царь из «чувств скромности и смирения духа» отказался принять навязываемый ему титул и попросил государственные сословия оставить вынесенное постановление без исполнения.

– Да соорудится мне памятник, – говорил Александр, – в чувствах ваших, как оный сооружён в чувствах моих к вам! Да благословляет меня в сердцах своих народ мой, как я в сердце моём благословляю оный! Да благоденствует Россия и да будет надо мною и над нею благословение Божие.

...4 июля в Москве вышел 13-й номер журнала «Вестник Европы». В нём было помещено стихотворение Пушкина «К другу стихотворцу». Это была первая публикация юного поэта, но она сразу обратила на себя внимание, особенно в лицее. В октябре там должны были пройти экзамены для перевода учащихся с младшего трёхлетнего курса на старший. Профессор российской и латинской словесности А. И. Галич предложил Пушкину написать к экзаменам подобающее случаю стихотворение.

К намеченному сроку оно было готово – «Воспоминания в Царском Селе». Александр читал его министру народного просвещения графу А. К. Разумовскому. Но экзамены перенесли на начало следующего года – на 8 января 1815-го. Испытания проходили в присутствии многочисленных гостей, среди которых были Г. Р. Державин и высокие чины империи. Юный поэт покорила их буквально с первой строфы стихотворения:

*Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почил дол и роица,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывёт в серебристых облаках.*

В стихотворении много деталей, связанных с пейзажами царскосельского парка и памятниками эпохи Екатерины II. Упоминание последних подготавливает читателя к главной теме – героике Отечественной войны, «дерзости венчанного царя», бича вселенной:

*И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком,
Дымится кровию земля;
И сёлы мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделось вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.*

Но торжество завоевателей оказалось недолгим: на борьбу с нашествием двенадцати племён Европы встал русский народ, и это не сулило захватчикам ничего хорошего:

*Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.*

Динамично и напористо описание в стихотворении Бородинского сражения, которое юный поэт подаёт как торжество русского оружия, волею судьбы не давшее желаемого результата.

*Сразились. Русский – победитель!
И вспять бежит надменный галл;
Но сильного в боях небесный вседержитель
Лучом последним увенчал,
Не здесь его сразил воитель поседель;
О бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! На башнях галл Кремля!*

В этой строке хромает логика: «галл» побежал и вдруг оказался в Московском Кремле – сердце России. Но здесь следует вспомнить, что логики не было и в официальных документах, исходивших из штаба М. И. Кутузова. Его первое сообщение царю было о том, что неприятель отражён на всех пунктах и русская армия удержала за собой все занятые ею позиции. В Петербурге восприняли донесение главнокомандующего как рапорт о победе, а через неделю (!) узнали о падении старой столицы. Эту двойственность в восприятии Бородина мы видим и в стихотворении лицеиста Пушкина.

Общее горе, связанное с гибелью Москвы, юный поэт пропустил через собственные чувства, испытанные им почти два с половиной года назад:

*Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принёс я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..*

С Москвой Пушкин связал финал заграничного похода – взятие столицы Франции:

*В Париже росс! – где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.*

В стихотворении трижды упоминается Александр I:

Достойный внук Екатерины!

*Почто небесных аонид,
Как наших дней певец, славянской бард дружины,
Мой дух восторгом не горит?*

Внука Екатерины, то есть царя Александра I, славословили по всей Европе: северный Агамемнон, царь царей, император Европы, спаситель Вселенной, ангел мира, а пятнадцатилетний поэт почему-то восторга по отношению к государю не испытывал, и этот фрагмент благоразумно убрал из стихотворения. Через пять лет внёс ещё две правки, касающиеся царя. 11-я строфа стихотворения заканчивалась призывом к жертвенности: «За веру, за царя!». В новой редакции стало: «За Русь, за святость алтаря!». В предпоследней строфе также опущено упоминание о царе. Было: «Ну что я зрю? Герой с улыбкой примиренья...» Стало: «Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья...» За пять лет отношение Пушкина к царю изменилось кардинально. Но что интересно, уже в пятнадцать, в апогее славы Александра, личность его не вызывала восторга у юного поэта, не вдохновляла его как барда славянской дружины и сотни (если не 1 000) менее известных поэтов.

Наполеон, враг России и её обитателей, для юного поэта – «тиран», «вселенский бич», царь, «венчанный коварством и дерзостью», и вполне закономерно постигшее его возмездие:

*Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глаз и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон.*

Образ завоевателя формировался у отрока, переходившего в юношеский возраст, под влиянием сатирической литературы, изобиловавшей в 1812–1815 годах. В памфлетах французский император изображался тираном и злодеем, не признающим ни Божеских, ни человеческих законов; вся его жизнь – череда преступлений, завершившихся для удовлетворения ненасытного властолюбия и других порочных страстей. Непомерное властолюбие, лицемерие, тиранство, агрессивность, цинизм и беспринципность – вот памфлетный портрет Наполеона. Конечно, подросток, вооружённый такими «знаниями», не мог отойти от них.

...Российский монарх, скромничавший на родине, отнюдь не был равнодушен к обрывавшейся на него славе.

Он был тщеславен. Зная о том, что многие из его окружения считают победу над Наполеоном простым везением, а не результатом военных талантов государя, он как-то не выдержал и кольнул генерала А. П. Ермолова (а в его лице всех злоязычников):

– Ну, Алексей Петрович, что теперь скажут в Петербурге? Ведь, право же, было время, когда у нас, величая Наполеона, меня считали за простачка?

Нет, простачком Александр I не был. Наполеон называл его византийцем, то есть лживым и коварным противником. Но и талантами полководца царь не блистал, хотя мнил себя таковым.

«Сто дней». В начале весны 1815 года Наполеон преподнёс всей Европе сюрприз. Оставив Эльбу, охранявшуюся англичанами, он с тысячью гвардейцев высадился на южном берегу Франции. Без единого выстрела с чьей бы то ни было стороны дошёл до Парижа и 8(20) марта вновь занял престол Франции. Возвращение императора простой народ встречал с ликованием, а коронованные правители Европы были в панике. Стремительный поход сверженного «узурпатора» на столицу Франции получил название «Полет орла». Известие о нём распространялось с быстротой молнии, и уже к концу марта Пушкин откликнулся на него большим сти-

хотворением «Наполеон на Эльбе». Она состоит как бы из двух фрагментов: размышлений отверженного воителя о превратностях судьбы и его планах:

*О счастье! Злобный обольститель,
Средь бурей тайный мой хранитель
И верный пестун с юных дней!
Давно ль неведомой стезёю
Меня ко трону ты вело*

*И скрыло дерзостной рукою
В венцах лавровое чело!
Давно ли с трепетом народы
Несли мне робко дань свободы,
Знамёна чести преклоня;
Дымились громы вокруг меня,
И слава в блеске над главою
Неслась, прикрыв меня крылом?*

Размышления о эпическом прошлом приводят губителя народов к мысли, что не всё потеряно и надо ещё раз положиться на судьбу:

*О скоро ли, напелясь под рулями,
Меня помчит покорная волна
И спящих вод прервётся тишина?*

Молодой поэт не сомневался в том, что с бежавшим императором предстоит тяжёлая борьба, которая обойдётся Европе в десятки тысяч жертв:

*И вспыхнет брань! За галльскими орлами
С мечом в руках победа полетит,
Кровавый ток в долинах закипит,
И троны в прах низвергну я громами
И сокрушу Европы дивный щит!..*

Ради чего? Вот какой ответ на этот вопрос вкладывает Пушкин в уста «бича Европы»:

*Страшись, о Галлия! Европа! Миценье, миценье!
Рыдай – твой бич восстал – и всё падёт во прах,
Всё сгинет, и тогда в всеобщем разрушенье
Царём воссяду на гробах!*

Наполеон

Странное видение поэтом перспектив грозного воителя:

водрузиться в отвоёванной короне на гробы! А вновь покорённые народы видеть пред собой поверженными в прах: «Уж мир лежит в оковах предо мной».

Такое нетривиальное восприятие личности Наполеона объясняется тем, что в России того времени господствовала «чёрная легенда» о французском императоре, одной из характерных черт которой была его демонизация. Русская православная церковь придавала противоборству России и Франции религиозный священный смысл. Поэтому в печати можно было встретить такое: «Кровожадный, ненасытный опустошитель, разоривший Европу от одного конца её до другого! Ты восседаешь на престоле своём посреди блеска и пламени, как Сатана в средоточии ада, препоясан смертью, опустошением и пламенем» («Сын Отечества», 1812/1).

В устных проповедях Наполеона прямо называли антихристом, пришедшим в Россию за многие грехи наши. Преуспели в этом и учёные мужи, путём цифровой эквилибристики доказывавшие, что по древнееврейскому исчислению имя Наполеон соответствует 666, а это число зверя, то есть антихриста. Духовная и мирская пропаганда подкреплялись фактами кощунственного отношения завоевателей к православным храмам (французы в основном действительно были неверующими, то есть безбожниками).

Словом, молодому поэту сложно было в характеристике французского императора выйти за рамки пропаганды середины десятих годов XIX столетия. И ещё. Стихотворение «Наполеон на Эльбе» писалось в самом начале знаменитых «Ста дней» – второго правления Наполеона. Общая обстановка в Европе была тревожной. Против Франции, с такой охотой избавившейся от Бурбонов, формировалась миллионная армия, нацеленная на её границы. Франция, истощённая 20-летними войнами, могла противопоставить союзникам не более 300 тысяч человек. Мир затаил дыхание в предчувствии новых бедствий и жертв.

Пушкин явно колебался в решении вопроса: чья возьмёт? С одной стороны, уверял читателей в неизбежном поражении великого воителя: «Трепещи! Погибель над тобою!» А с другой – констатировал: «И жребий твой ещё сокрыт!»

Увы, раскрытия судьбы баловня побед ждать оставалось недолго. Окончательно и бесповоротно всё решило сражение при Ватерлоо. Русская армия в нём не участвовала, тем не менее и австрийский император Франц, и прусский король Фридрих Вильгельм III, и иже с ними – все признали Россию главной в тех усилиях, которые были направлены на двукратное низвержение Наполеона. В зените славы Александр I возвращался на родину. В столице опять готовились к его торжественной встрече.

По этому случаю высокое начальство заказало Пушкину стихотворение. 28 ноября Александр препроводил директору департамента Министерства народного просвещения И. И. Мартынову «Оду Александру» («На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»):

*Утихла брань племён; в пределах отдалённых
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуке стройных лир,
На землю мрачную нисходит светлый мир.
Свершилось!.. Русский царь, достиг ты славной цели!*

Этой целью была столица Франции, и Александр I дважды торжественно въезжал в неё. Этому история не в малой степени обязана его супруге Елизавете Алексеевне. Как помнит читатель, Кутузов был против заграничного похода. Мнение фельдмаршала разделяла значительная часть русского общества, и царь колебался. Но императрица настаивала на преследовании Наполеона «до Парижу».

Прославляя Александра, Пушкин дал в стихотворении развёрнутую картину боевых действий – от вторжения Великой армии в Россию до падения Наполеона:

*Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложив пернатый шлем,
Колена преклонив пред вышним алтарём,
Ты браней меч извлёк и клятву дал святую
От ига оградить страну свою родную.*

*Мы вняли клятве сей; и гордые сердца
В восторге пламенном летели вслед отца
И смертью роковой горели и дрожали;
И россы пред врагом твердьней грозной стали!..*

Основной упор в стихотворении сделан на заграничном походе, когда Александр действительно проявлял свои лучшие качества: целеустремлённость, решительность, упорство и веру в возможность победы над лучшим полководцем его (и не только) времени. Это принесло царю заслуженное признание всех монархов Европы и её народов:

*И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобождённою от рабских уз рукой,
И власть мятежная исчезла пред тобой!*

Здесь, по-видимому, надо оговориться в отношении выражения поэта «власть мятежная». Европейские государи считали Наполеона исчадием Великой французской революции, так сказать, её наследником и правопреемником, ввергшим мир в череду кровопролитных войн. А потому он «поставил себя вне гражданских и социальных отношений. В качестве врага и нарушителя спокойствия в мире он подлежит общественному возмездию», – гласила декларация, принятая 13 марта участниками Венского конгресса.

Союзники полагали, что «узурпатор» королевского престола Франции не пользуется поддержкой народа и сильно ошиблись. Наполеон вторично отрёкся от власти 10(22) июня 1815 года, а сопротивление союзным войском продолжалось ещё три месяца. Только 14(26) сентября генералу К. Гакке сдалась цитадель Седана, а мир с Францией был подписан и того позже – 8(20) ноября. То есть последняя война с павшей империей закончилась отнюдь не с падением её главы.

Но вернёмся к лицу, которому посвящено стихотворение. Петербуржцы с умилением и восторгом встречают царя, «везде сияет торжество», а Александр «в ликующей толпе» – «России божество». Поэт взывает к нему:

*Ты наш, о русской царь! Оставь же шлем стальной
И грозный меч войны, и щит – ограду нашу;
Излей пред Янусом священну мира чашу,
И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной!..*

Победы, дважды венчавшиеся вхождением в Париж, конечно, воодушевляли, но сердца не грели. Простые смертные предпочитали мир и тишину. Их взгляд на войну Пушкин выразил в заключительных строках стихотворения:

*И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полёт;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечёт плуг, миром изошрённый;
Суда летучие, торговлей окриленны,
Кормами рассекут свободный океан,
И юные сыны воинственных славян
Спокойной праздности с досадой предадутся...*

Следует отметить явный диссонанс в отношении юного автора к государю.

В стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» внук Екатерины II не грел дух поэта восторгом. Стихотворение «Александр» – сплошь комплиментарно. Почему? Во-первых, тому были объективные причины – победы русского оружия, к которым царь имел непосредственное отношение. И во-вторых, стихотворение «Александр» было заказным и предназначалось для прославления царя. Пушкин писал упоминавшемуся выше И. И. Мартынову:

«Милостивый государь, Иван Иванович!

Вашему превосходительству угодно было, чтобы я написал пьесу на приезд государя императора; исполняю ваше повеление. Ежели чувства любви и благодарности к великому монарху нашему, начертанные мною, будут не совсем недостойны высокого предмета моего, сколь счастлив буду я, ежели

его сиятельство граф Алексей Кириллович благоволит поднести государю императору слабое произведение неопытного стихотворца!»

В стихотворении царь – «наш» (это повторяется дважды), он «добрый», он «отец», «спаситель», «храбрый», «величествен» и «бессмертен». Неплохой набор эпитетов. Правда, несколько сомнителен по отношению к живому человеку последний, но цепляет другой – «спаситель». Это определение всё же более правомерно по отношению к сыну Всевышнего. Кстати, ещё 14 августа 1814 года Александр I постановил проводить в день Рождества Христова ежегодное празднество «Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминание избавления Церкви и державы российской от нашествия галлов, и с ними двадесяти язык».

Русская православная церковь придала войнам с Наполеоном религиозный колорит. Это прежде всего «демонизация» личности императора Франции, которая объясняется разностью мировоззрений и менталитетов противоборствующих сторон, то есть различием столкнувшихся цивилизаций. Победа над Наполеоном была воспринята в России как победа христианства и традиционно консервативных ценностей над европейским «безбожием» и идеями просвещения, породившими французскую революцию.

Автор популярного в то время сочинения «Русские и Наполеон Бонапарт» А. Я. Булгаков писал, что французская армия потерпела в России поражение потому, что «была окружена народом, во всех отношениях единственным: религией, языком, обычаями и нравственностью, коему ни Наполеон, ни его невидимая армия иллюминатов⁴ не могли внушить коварных и пагубных учений».

Современный историк Л. В. Мельникова увидела в рассуждениях Булгакова «мотив национальной исключительности и религиозного мессионизма русского народа, получившего широкое распространение и развитие в русской философии XIX века. Подъём национального самосознания, наступивший в русском обществе после победы над Наполеоном, вскоре нашёл отражение в формулировке Российской государственной доктрины: «православие, самодержавие, народность». Что касается «образа Наполеона», то вскоре после смерти низвергнутого императора он претерпел кардинальные изменения. На смену «чёрной легенде» пришёл наполеоновский миф.

«Отважной верою исполнилася грудь». Пушкин быстро мужал; в период пребывания в лицее он сетовал: «Целый год ещё плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного! Целый год ещё дремать перед кафедрой; это ужасно. Безбожно молодого человека держать взаперти».

В начале 5-го курса молодого поэта посетил В. А. Жуковский, о чём тогда же писал П. А. Вяземскому: «Я сделал приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Царском Селе. Милое, живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не мешал себе созреть! Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастёт. Ему надобно непременно учиться. И учиться не так, как мы учились! Боюсь за него. Он написал ко мне послание, которое отдал мне из рук в руки, – прекрасное! Это лучшее его произведение! Но и во всех других виден талант необыкновенный! Его душе нужна пища! Он теперь бродит около чужих идей и картин. Но когда запасётся собственными, увидишь, что из него выйдет!» (64, 33).

Василий Андреевич подарил Александру первый том своих сочинений, говорил с ним о святом назначении поэзии и напутствовал искать чистой славы и не допускать никаких сделок с совестью. Визит маститого поэта укрепил Пушкина в своём предназначении; в послании к Жуковскому он писал:

⁴ Иллюминаты – члены тайных религиозно-политических обществ 3. Европы во второй половине XVIII столетия.

*Благослови, поэт!.. В тиши Парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени:
Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел.
Страшусь, неопытный, бесславного паденья,
Но пылкого смирить не в силах я влеченья <...>
И ты, природою на песни обречённый!
Не ты ль мне руку дал в завет любви священный?
Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнийной струёй —
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела, —
Нет, нет! Решился я – без страха в трудный путь
Отважной верою исполнилася грудь.*

25 марта 1816 года Пушкина навестил его дядя Василий Львович; с ним были Н. М. Карамзин и П. А. Вяземский. Последний заинтересовался молодым поэтом после ознакомления с его стихотворением «Воспоминания в Царском Селе», о чём писал К. Н. Батюшкову: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо – и всё тут. Его “Воспоминания” вскружили нам голову с Жуковским».

Н. М. Карамзин

Целью визита великого историка и уже довольно известного поэта и литературного критика было возобновление знакомства (оба знали Александра ребёнком) с «молодым чудотворцем». Летом семья Карамзина проживала в «Китайских домиках» дворцового парка Царского Села, и Пушкин проводил у них почти каждый вечер. Беседы с историком способствовали выработке мировоззрения юноши, его вкуса и пристрастий.

Вскоре после появления в лицее прославленного историка и двух литераторов туда пришёл третий – Ф. Н. Глинка. Фёдор Николаевич был у своего дальнего родственника Вильгельма Кюхельбекера, первого товарища Пушкина. Принёс ему только что вышедший девятый том (и все предыдущие) своих «Писем русского офицера». Александр, по-видимому, не был свидетелем этой встречи, но записки участника войн с Наполеоном, несомненно, прочитал, ибо они пользовались колоссальным успехом и о них много говорили. В этом плане интересен следующий случай.

Как-то Глинка посетили В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич и И. А. Крылов. Разговор зашёл о книге Фёдора Николаевича.

– Ваших писем, – сетовал Жуковский, – нет возможности достать в лавках: все разошлись. При таком требовании публики необходимо новое издание. Тут, кстати, вы можете пересмотреть, дополнить, а иное (что схвачено второпях, на походе) и совсем, пожалуй, переписать.

Гнедич и Батюшков более или менее разделяли мнение Жуковского, и разговор продолжался. Крылов молчал и вслушивался. Наконец не выдержал:

– Нет! Не изменяйте ничего: как что есть, так тому и быть. Не позволяйте себе ни притачиваний нового к старому, ни подделок, ни вставок: всякая вставка, как бы хитро её ни спрятали, будет выглядывать новою заплатою на старом кафтане. Оставьте нетронутым всё, что написано у вас где случилось, как пришлось. Оставьте в покое ваши походные строки, вылившиеся у бивачных огней и засыпанные, может быть, пеплом тех незабвенных биваков. Предоставьте историку изыскивать, дополнять и распространяться о том, чего вы, как фронтовой офицер, не могли ни знать, ни ведать! И поверьте, что позднейшим читателям и любопытно, и приятно будет найти у вас не сухое официальное изложение, а именно более или менее удачный отпечаток того, что и как виделось, мыслилось и чувствовалось в тот приснопамятный 12-й год, когда вся Россия, вздрогнув, встала на ноги и с умиленным самоотвержением готова была на всякое пожертвование.

6 июня 1816 года в Павловске у императрицы Марии Фёдоровны состоялся праздник по случаю отъезда из России принца (позднее нидерландского короля) Вильгельма Оранского, только-только женившегося на сестре царя великой княгине Анне Павловне. К празднику Ю.А. Нелединскому-Мелецкому были заказаны стихи в честь бракосочетания принца. Старый поэт (ему шёл 64-й год) был в растерянности – стихи не слагались. Карамзин посоветовал ему обратиться к Пушкину. Приехав в лицей и поговорив с юношей, Юрий Александрович дал ему идею и через пару часов увёз стихотворение «Принцу Оранскому». В сюжетном плане оно простое: первые четыре строфы – беглый очерк событий 1812–1815 годов.

*Свершилось... взорами царей
Европы твёрдый мир основан;
Оковы свергнувший злодей
Могущею бранью снова скован.*

*Узрел он в пламени Москву —
И был низвержен ужас мира,
Покрыла падшего главу
Благословенного порфира.*

*И мглой повлёкся окружён;
Притёк, и с буйной вдруг изменой
Уж воздвигал свой шаткий трон...
И пал отторжён от вселенной.*

«Злодей» и «ужас мира» это, конечно, Наполеон, удачно бежавший с Эльбы, но в итоге исторгнутый из цивилизованного мира усилиями Благословенного (Александра I).

Дав общую зарисовку роковых лет, Пушкин наконец обратился к имени того, кому была посвящена его «пьеса»:

*Хвала, о юноша герой!
С героем дивным Альбиона
Он верных вёл в последний бой
И мстил за лилии Бурбона.*

«Последний бой» союзников (англичан, голландцев и прусаков) с Наполеоном произошёл в районе поселения Ватерлоо, в 20 километрах к югу от Брюсселя. Англо-голландскими войсками командовал герцог Веллингтон («герой Альбиона»), прусскими, подошедшими к концу сражения, – генерал-фельдмаршал Блюхер. Принц Оранский неплохо показал себя в этом побоище:

*Его текла молодая кровь,
На нём сияет язва чести:
Венчай, венчай его, любовь!
Достойный был он воин мести.*

Не густо. Прославления нового члена императорской семьи не получилось. Стихотворение не столько о Вильгельме Оранском, сколько о финальных событиях наполеоновских войн, в которые

*Довольно битвы мчался гром,
Тупился меч окровавленный,
И смерть погибельным крылом
Шумела грозно над вселенной!*

Последним откликом Александра на мировые события, сопровождавшие его отрочество и начало юности, была «Молитва русских», написанная в октябре 1816 года, к пятой годовщине основания Царскосельского лицея. Это был заказ его директора Е. А. Энгельгардта. В качестве зачина стихотворения Пушкин взял строфу из гимна В. А. Жуковского:

*Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли.
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Всё ниспошли.*

К этой строфе приписал две свои:

*Там – громкой славою,
Сильной державою
Мир он покрыл.*

*Здесь безмятежною
Сенью надёжною,
Благодатью нежною
Нас осенил.*

*Брани в ужасный час
Мощно хранила нас
Верная длань.
Глас умиления,
Благодарения, Сердца стремления —
Вот наша дань.*

«Там» – это в Западной Европе, «он» – царь Александр I, осчастлививший мир освобождением от ига Наполеона и давший народам благодатную тишину. Мощная длань государя охраняла покой лицеистов («нас»), которые благодарны своему монарху; устремление их сердец к царю-герою – их посильная дань Александру.

И что примечательно, молодой поэт, ни разу не назвал царя ни по имени, ни по титулу. О том, что речь в стихах идёт именно об Александре, мы догадываемся по их содержанию и по первой строчке из гимна Жуковского («Боже! Царя храни!»). Интересное умолчание! Да ещё фактически в неофициальном гимне учебного заведения императорской семьи.

Кстати, в весьма нелестной эпиграмме «Двум Александрам Павловичам» лицеист Пушкин не остановился перед тем, чтобы открыто назвать царя и унижить его сравнением с Зерновым, служившим в лицее в должности помощника гувернёра. Один из лицеистов говорил о нём: «Подлый и гнусный глупец». Хорошенькая компания для владыки Севера! Итак:

*Романов и Зернов лихой, Вы сходны меж собою:
Зернов! Хромаешь ты ногой, Романов головою.
Но что, найду ль довольно сил
Сравненье кончить ипищом?⁵
Тот в кухне нос переломил,
А тот под Австерлицем.*

Ничего себе характеристика (хромает головою!). И это после всех дифирамбов, пропетых Александру в приведённых выше стихотворениях. Конечно, эпиграмма при жизни Пушкина не печаталась. Но что интересно, она сохранилась в одном из лицейских сборников, то есть была доступна и учащимся, и преподавателям, а возможно, гостям и родственникам учащихся.

Вне стен лицея. На последнем курсе затворники привилегированного учебного заведения получили право покидать его в свободные от занятий часы и дни. Александр с удовольствием посещал «субботы» В. А. Жуковского, заходил к Карамзиным и к Олениным (А. Н. Оленин был президентом Академии художеств), не чуждался и петербургского светского общества. На одном из вечеров последнего юный лицеист вознегодовал на родного дядю Павла Ганнибала и... вызвал его на дуэль. Поводом к столь решительному шагу послужило то, что дядя на балу увёл у племянника девицу. Это был первый вызов (превращённый в шутку) из 30 пришедшихся на последующие 20 лет жизни поэта.

Благопристойная семейная обстановка не удовлетворяла юношу, и он нашёл более интересную для него среду. «Кружок, в котором Пушкин проводил свои досуги, – вспоминал Модест Корф, – состоял из офицеров лейб-гусарского полка. Вечером после классных часов,

⁵ Шпиц – игла. Остриё.

когда прочие бывали или у директора, или в других семейных домах, Пушкин, ненавидевший всякое стеснение, пировал с этими господами нараспашку».

«Нараспашку» – значит без соблюдения многих условностей и ограничений. После лицейского затворничества это была свобода, которая будоражит юность. В среде молодых военных, уже побывавших в сражениях и повидавших мир, Александру, конечно, было интересно; он оказался в своей стихии, что сразу нашло отражение в творчестве – стихотворения «Слеза» и «Усы». Приводим три строфы из последнего:

*Чтобы не смять уса лихого,
Ты к ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернёшь,
В подушку носом лечь не смеешь
И в крепком сне его лелеешь,
И утром вновь его завьёшь.*

*На долгих ужинах весёлых,
В кругу гусаров поседелых
И черноусых удалцов,
Весёлый гость, любовник пылкий,
За чьё здоровье бьёшь бутылки?
Коня, красавиц и усов.*

*Сраженья страшный час настанет,
В ряды ядро со треском грянет;
А ты, над ухарским седлом,
Рассудка, памяти не тратишь:
Сперва кудрявый ус ухватишь,
А саблю верную потом.*

В последнем классе лицея преподавались фортификация, основы артиллерии и тактики, проводилось обучение верховой езде. Один из сокурсников Пушкина вспоминал: «Мы ходили два раза в неделю в гусарский манеж, где на лошадях запасного эскадрона учились у полковника Кнабенау под главным руководством генерала Левашова, который и прежде того, видя нас часто в галерее манежа, во время верховой езды своих гусар, обращался к нам с приветом и вопросом, когда мы начнём учиться ездить. Он даже попал по этому случаю в куплеты нашей лицейской песни:

*Bonjour, monsieur! Потиие,
Поводьем не играй —
Вот я тебя потешу!..
A guand l'eguitation?»⁶*

В этой не очень складной строфе верно запечатлён образ внешне лощёного, но по существу грубого человека: французское приветствие, обращённое к лицеистам, прерывается грубым окриком («Вот я тебя потешу!») по адресу обучаемых гусар.

Военную службу Левашов начал в восемнадцать лет в Лейб-кирасирском полку; участвовал во всех войнах с Наполеоном, но особых лавров не снискал (только за Бородино награж-

⁶ Когда же (будем заниматься) верховой ездой?

дён орденом Св. Георгия 4-го класса). С 25 апреля 1815 года по май 1822-го исполнял должность командира лейб-гвардии Гусарского полка. В обращении с подчинёнными офицерами был груб и нетерпим к малейшему проявлению самостоятельности; рядовых щедро потчевал телесными наказаниями. Один из офицеров, служивший под его командованием, писал: «Он был своекорыстен и вытягивал из полка всевозможные доходы, в особенности от обмундирования и фуража; очень жесток с нижними чинами, многих гусар и унтер-офицеров вогнал в чахотку, беспощадно наказывая фухтелями».

Доходило до того, что экзекуции проводились прямо в квартире полкового командира. Завтракая в соседней комнате, Левашов время от времени покрикивал: «Громче! Удары не слышу! Крепче бей!»

Среди офицеров Гусарского полка, квартировавшего в Царском Селе, у Пушкина было немало друзей и знакомых, от которых он слышал нелестные отзывы о их командире. Негативная характеристика Левашова подчинёнными, а возможно, и личные наблюдения, по-видимому, сыграли свою роль в отказе юного поэта от избрания военной карьеры к которой он стремился и для которой, по мнению многих современников, был как бы предназначен. Это разочарование в юношеской мечте нашло позднее отражение в стихотворении, посвящённом другому генералу – командиру лейб-гвардии Конного полка А. Ф. Орлову:

*О ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русский генерал)
Любезность, разум просвещённый;
О ты, который, с каждым днём
Вставая на военну муку,
Усталым усачам верхом
Преподаёшь царей науку;
Но не бесславил сгоряча
Свою воинственную руку
Презренной палкой палача,
Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля – суеты!*

К счастью для русской литературы, Пушкин не пошёл по военной стезе, но интерес к военной истории сохранял всю жизнь и немало сделал для восславления ратного подвига и героев войн своего (и более отдалённого) времени.

Кстати. Не отличаясь военными способностями, В.В. Левашов сделал блестящую карьеру: генерал-адъютант (1817), граф, генерал от кавалерии, председатель Государственного совета и Комитета министров (1847–1848). В день восстания на Сенатской площади Левашов неотлучно находился при царе, за что был произведён в генерал-лейтенанты.

В последующие дни в залах Эрмитажа он вёл предварительные допросы декабристов, на которых побывали друзья Пушкина: В. А. Раевский, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев, И. И. Пущин, А. И. Якубович и другие. Воспоминания о встрече с Левашовым оставил первый из них: «Фельдъегерь взял меня с собою и привёл ко входу в Эрмитаж. Я вошёл в переднюю, через несколько минут меня позвали. Я вошёл в большую картинную залу. Генерал Левашов подзывал меня к небольшому столику и указал мне садиться. Первый вопрос его был, родственник ли я генералу Раевскому.

– Очень далеко, и генерал едва ли знает. Второй – принадлежал ли я к тайному обществу.

– До 1821 года принадлежал, но в 1822 году был арестован и содержался в крепости Тираспольской и с тех пор ничего не мог знать.

Генерал Левашов стал спрашивать о военных школах и генерале Орлове. Я заметил, что он затрудняется писать мои ответы, и попросил позволения писать мне самому. Он отвечал: “Очень хорошо”. И повернул ко мне бумагу.

Ясно и вразумительно я сказал всё, что нужно было. Он взял бумагу. “Подождите”, – сказал мне и ушёл к государю» (93, 328–329).

Допрашивал Левашов арестованных и в Петропавловской крепости, был членом суда над ними. Петербургская молва называла его в числе лиц, умолявших царя не смягчать участи осуждённых.

В 1830-х годах Левашов побывал губернатором ряда южных территорий России. С докладами о их состоянии приезжал в Петербург, бывал на приёмах в Зимнем дворце, где, возможно, его видел Пушкин.

* * *

Лейб-гвардии Гусарский полк прибыл в Царское Село в ноябре 1815 года; с этого времени началось постепенное знакомство Пушкина с его офицерским составом. До выпуска из лицея в круг приятелей Александра вошли: П. П. Каверин, П. А. Нащокин, Я. В. Сабуров, П. Д. Соломирский, А. Н. Зубов, П. Я. Чаадаев и другие. Некоторые из них стали друзьями поэта. Уже в марте следующего года молодой стихотворец в философической оде пропел осанну гусарским усам. Офицеры весело проводили свободное время: вино, песни, рассказы о недавних походах. Их жизнь была насыщена воспоминаниями об отгремевших сражениях, о прославленных военачальниках, увиденных городах и странах. Пушкин не чуждался застолий, но сближался всё же с людьми, обладавшими незаурядным интеллектом и интересовавшихся литературой.

«В нём пуниа и войны кипит всегдашний жар». Пётр Павлович Каверин (1794–1855) учился в Московском университете вместе с братьями Николаем и Сергеем Тургеневыми, слушал лекции в Гёттингенском университете. В январе 1813 года вступил в Смоленское ополчение и прошёл с русской армией до Парижа, являя собой образец удивительной храбрости и безрассудства. Во время пребывания в Гамбурге за проказы был лишён полагавшейся ему награды. Барон М. А. Корф говорил о нём: «Это был самый лихой повеса в полку».

Бретёр, поклонник Венеры и Вакха, Пётр Павлович любил удивлять окружающих. Так, однажды в парижском ресторане он обратил внимание на четвёрку молодых людей, которые, сев за стол, потребовали бутылку шампанского и четыре стакана. В противовес им Каверин заказал четыре бутылки шампанского и попросил один стакан. За обед он опорожнил все четыре бутылки, а за десертом выпил кофе с приличным количеством ликёра. После чего твёрдой походкой вышел из ресторана, сопровождаемый аплодисментами публики.

В августе 1816 года Каверин в чине поручика лейб-гвардии Гусарского полка оказался в Царском Селе, где познакомился с Пушкиным. По вечерам, после классных часов, когда лицеисты бывали в доме директора Энгельгардта и в других семейных домах, Александр уходил к друзьям-гусарам, среди которых особо выделял Петра Павловича:

*В нём пуниа и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

После окончания лицея поэт ещё больше сблизился с лихим офицером, завсегдатаем петербургских кафе и ресторанов. О последних Пушкин упомянул в первой главе своего знаменитого романа в стихах:

*Уж темно: в санки он садится.
«Пади, пади!» – раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К Talon помчался: он уверен,
Что там уж ждёт его Каверин.
Вошёл – и пробка в потолок,
Вина кометы⁷ брызнул ток...*

Казалось бы, мелочь – вскользь вспомнил старого друга. Но вот мнение П. А. Вяземского, не последнего человека в отечественной словесности: «Русская литература не должна забывать, что Каверин был товарищем и застольником Евгения Онегина, который с ним заливал шампанским горячий жир котлет». Уверенность Петра Андреевича в том, что имя друга гениального поэта должно остаться в истории литературы, многого стоит.

Каверин немало покуролесил в молодости. Пушкин тянулся за ним, полагая, что бесшабашность – свойство определённого возраста:

*Пускай умно, хотя неосторожно,
Дурачиться мы станем иногда —
Пока без лишнего стыда
Дурачиться нам будет можно.
Всему пора, всему свой миг,
Всё чередой идёт определённой:
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.*

Понимая, что не все согласятся с такой логикой, поэт советовал старшему другу:

*И черни презирай ревнивое роптанье.
Она не ведает, что можно дружно жить
С стихами, с картами, с Платоном и с бокалом,
Что резвых шалостей под лёгким покрывалом
И ум возвышенный и сердце можно скрыть.*

Пётр Павлович выпил немало вина, очаровал многих женщин, вдоволь почудил, но ничего основательного в жизни не сделал. Его роль в судьбе молодого Пушкина была скорее отрицательной, чем положительной. Если Чаадаев заставлял вчерашнего лицеиста мыслить, то Каверин ввергал во всякого рода искушения, при этом не всегда благовидные, о чём сокурсник Александра М. А. Корф писал: «Начав ещё в лицее, он после, в свете, предался всем возможным распутствам и проводил дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий с первыми и самыми отъявленными тогдашними повесами».

«Как такое возможно?» – спросят некоторые читатели.

⁷ Вино урожая 1811 года, когда над Европой пролетела комета Галлея.

Отвечаем им 2500-летней историей, случившейся в древних Афинах. Как-то Сократ, прославившийся своей мудростью, был остановлен женщиной лёгкого поведения, которая пообещала увести от него всех учеников, хотя он давно занимается с ними, пытаясь передать свои знания о мире и человеке в нём. «Тебе легче, чем мне, – ответил мудрец, – ты тащишь людей вниз, а я пытаюсь вести их вверх».

К счастью, Пушкин не был порочен по своей натуре и оказался не из слабаков, надолго попадающих под чьё-либо влияние. Да и было оно непродолжительным.

После шестилетней ссылки встречи с другом юности случались редко и непреднамеренно: поэт потерял интерес к отчаянному бретёру, закончившему свои последние годы певчим в церковном хоре. Сам Каверин итог своей жизни подвёл следующим «афоризмом»: «Чем хотел, тем и наслаждался, что хотел, то и делал».

В своих «хотениях» Каверин был весьма переменчивым, но одно сохранял всю жизнь: увлечение личностью и творчеством Пушкина. Сохранилось много списков стихотворений поэта, старательно переписанных бывшим гусаром. Многие пушкинисты отмечали необыкновенное уважение Каверина к текстам Александра Сергеевича. Он буквально исповедовал культ друга молодости. Тяжело переживал его гибель.

«Смерть Пушкина поразила меня, – писал Пётр Павлович П. А. Вяземскому. – Как рано он умер для своей славы! И неужели он не достоин, чтобы о нём кто-нибудь сказал более, чем то, что мы, провинциалы, читали в “Пчеле” и “Петербургских ведомостях”. Неужели Вы не уделите несколько времени от Ваших занятий – почтить память, смею сказать, бессмертного?..»

Достойная оценка (и почти прижизненная!) национального поэта России. Она многое искупает в сумасбродной жизни Петра Павловича Каверина – гусара, повесы, эстета и религиозного адепта.

«Куда зарыл ты свой золотой талант?». А. А. Шишков (1799–1832), будучи ровесником Пушкина, успел поучаствовать в заграничном походе русской армии. В восемнадцать лет был уже штаб-ротмистром Литовского уланского полка, затем служил в гренадерном.

Гренадерский полк стоял в Софии (часть Царского Села); там Пушкин и познакомился с молодым офицером. Сближение произошло на почве любви литературы, которую Шишков хорошо знал, сам писал стихи и увлекался театром. По своему развитию (на этот период) Александр Ардалионович превосходил тёзку, о чём будущий великий поэт и поведал потомкам в послании «Шишкову» («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой»).

Судя по этому стихотворению, сближение ровесников было довольно тесным: Пушкин знал многие моменты из жизни друга:

*Веселье резвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
И ныне, в юности прекрасной,
С тобою верные сопутницы твои.*

Шишков воспитывался в доме дяди, члена Государственного совета и президента Российской академии, супруга которого всячески его баловала и оберегала от житейских невзгод. В итоге вырос бретёр и картёжник. Не случайно пожелания лицеиста своему другу:

*Пой сердца юного кипящее желанье...
Пой, в неге устремив на деву томны очи.
Её волшебные красы,
В объятиях любви утраченные ночи —
Блаженства быстрые часы...*

При весьма рассеянном образе жизни молодой офицер не оставлял своего увлечения поэзией и писал довольно неплохие стихи, что весьма смущало его нового друга. «Дерзну ль тебя я воспевать?» – спрашивал себя Александр и так отвечал на свои сомнения:

*Нет, нет! Друзей любить открытою душою,
В молчаньи чувствовать, пленяться красотой —
Вот жребий мой: ему я следовать готов,
Покорствую судьбам, но сжался надо мною,
Не требуй от меня стихов.*

Как и большинство пишущих, молодого поэта терзали сомнения в высоком призвании, и он отказывался не только от славословия друга, но и вообще от восхождения на тернистый путь к Парнасу:

*Не вечно нежиться в прелестном ослеплены,
Уж холодной истинны докучный вижу свет.
По доброте души я верил в упоены
Вошебнице-Мечте, шепнувшей: «Ты поэт», —
И, презря мудрости угрозы и советы,
С небрежной лёгкостью нанизывал куплеты,
Игрушкою себя невинной веселил...*

Семнадцатилетний поэт называл свои стихи «дурными» и «водяными», то есть бессодержательными, и сетовал на то, что друзья величали его творения с откровенной зевотой. Столь сомнительные восхваления привели Александра к неутешительному выводу: писать ему ещё рано:

*Но скрылись от меня парнасские забавы!..
Недолго был я усыплён,
Недолго снились мне мечтанья муз и славы:
Я строгим опытом невольно пробуждён.
Уснув меж розами, на тернах я проснулся,
Увидел, что ещё не гения печать —
Охота смертная на рифмах лепетать.*

Послание «Шишкову» по существу – исповедь Пушкина, терзаемого мыслями о выборе жизненного пути. В решении этого вопроса он определился не вдруг.

Но вернёмся к Шишкову. Чиновник Коллегии иностранных дел (в ней начинал службу Александр Ардалионович) К. С. Сербинович писал о нашем герое, что он был «другом Пушкина и подражателем ему не только в стихах, но и в юношеских увлечениях». В этом наблюдении есть явный перекося: забавы и увлечения молодого офицера явно превосходили пушкинские, и намного. Это привело к тому, что в марте 1818 года Шишков был переведён на Кавказ, а затем в Одессу. Пребывание на юге закончилось (1827) переводом под строгий надзор в Динабург. Поводом к этому стали противоправительственные стихи и подозрение в причастности к тайным обществам.

От подозрений Александр Ардалионович отделался довольно легко и был переведён в Пехотный Вильгельма Прусского полк. Служа в нём, затеял ссору с отставным офицером и

вновь попал под жёсткий пресс правосудия. В январе 1830 года последовало увольнение от военной службы за неприличные званию офицерскому поступки.

Весьма неупорядоченный образ жизни и вздорный характер не мешали работе мысли. За семь лет (1824–1831) Шишков издал три сборника стихотворений: «Восточная лира», «Опыты» и «Избранный немецкий театр». Писал заметки «Перечень писем из Грузии», работал над поэмами в байроновском духе. Но в основном подражал Пушкину, с которым обменивался письмами. В ответ на одно из них Александр Сергеевич сетовал: «С ума ты сошёл, милый Шишков, ты мне писал несколько месяцев тому назад: “милостивый государь”, “лестное ваше знакомство”, “честь имею”, “покорнейший слуга...” Так что я и не узнал моего царско-сельского товарища. Если заблагорассудится писать ко мне, вперёд прошу тебя быть со мною на старой ноге. Не то мне будет грустно. До сих пор жалею, душа моя, что мы не столкнулись с тобою на Кавказе, могли бы мы и стариной тряхнуть, и поповесничать, и в язычки постучать. Впрочем, судьба наша, кажется, одинакова, и родились мы, видно, под единым созвездием.

Пишет ли к тебе общий наш приятель Кюхельбекер? Он на меня надулся, бог весть почему. Помири нас. Что стихи? Куда зарыл ты свой золотой талант? Под снега ли Эльбруса, под тифлисскими ли виноградниками? Есть ли у тебя что-нибудь, пришли мне – право, сердцу хочется. Обнимаю тебя – письмо моё бестолково, да некогда мне быть толковее».

Хорошее, доброе письмо, но ответ-то написан лишь через несколько месяцев! То есть от прежней дружбы остались лишь воспоминания о ней, чувство обязанности за не столь уж далёкое прошлое.

В этом плане характерен и следующий эпизод. 6 октября 1831 года Шишков прислал Александру Сергеевичу (через издателя М. П. Погодина) первый том «Избранного немецкого театра» с дарственной надписью. И Пушкин не счёл нужным откликнуться на этот жест, отделавшись следующей фразой в большом письме к Михаилу Петровичу Погодину: «Я Шишкову не отвечал и не благодарил его. Обними его за меня. Дай Бог ему здоровья за “Фортуно”!»

После увольнения из армии Шишков жил в Твери. На здоровье не жаловался, вздорности своей не оставлял и 27 сентября 1832 года был зарезан по дороге на место очередной дуэли. Ему не исполнилось ещё и тридцати трех лет. Так нелепо оборвалась жизнь «блистательного и очаровательного», по выражению поэта С. Т. Аксакова.

Пушкин принял участие в посмертном издании сочинений друга юности и в судьбе его дочери Софии.

* * *

Каверин и Шишков в интеллектуальном плане были людьми незаурядными, но в нравственном – оставляли желать лучшего. Последней недоставало многим молодым офицерам из окружения Пушкина. Увлёкшись внешней стороной их жизни, юный поэт довольно быстро понял пагубность разгулов и обильных винопитий. Но верный канонам дружбы, он сразу порвать с новым окружением не мог, но всё же в известной степени дистанцировался от него, прикрыв свой отход маской разочарования в жизни (это в шестнадцать-то лет!). Свидетельством чему является стихотворение «Друзьям» (особенно в его первом варианте):

*Среди беседы вашей шумной
Один уныл и мрачен я...
На пир раздольный и безумный
Не призывайте вы меня.
Любил и я когда-то с вами
Под звон бокалов пировать
И гармонически стихами*

*Пиров веселье воспевать.
Но пролетел миг упоений, —
Я радость светлую забыл,
Меня печали мрачный гений
Крылами чёрными покрыл...
Не кличьте ж вы меня с собою
Под звон бокалов пировать:
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять.*

«Всегда мудрец, а иногда мечтатель». К счастью для молодого поэта, в гусарской среде были и серьёзные люди.

Пётр Яковлевич Чаадаев оказался как раз тем человеком, который вовремя поддержал Александра. «Пушкин, – вспоминал Чаадаев, – гордился моею дружбой; он говорил, что я спас от гибели его и его чувства, что я воспламенял в нём любовь к высокому». Подтверждением этого служат следующие строки поэта из стихотворения «Чаадаеву»:

*Ни музы, ни труды, ни радости досуга —
Ничто не заменит единственного друга.
Ты был целителем моих душевных сил;
О неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный судьбою,
И чувства, может быть, спасённые тобою!
Ты сердце знал моё во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомлённый;
В минуту гибели над бездной потаённой
Ты поддержал меня недремлющей рукой;
Ты другу заменил надежду и покой;
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял её советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь...*

Офицер лейб-гвардии Гусарского полка Я. И. Сабуров говорил, что влияние Чаадаева на Пушкина было изумительно! «Он заставлял его мыслить». Беседы поэта с Петром Яковлевичем на политические темы нашли отражение в следующих стихотворениях Александра Сергеевича: «Любви, надежды, тихой славы...», «В стране, где я забыл тревоги прежних лет», «К портрету Чаадаева», «К чему холодные сомненья».

Знакомство их произошло в доме Н. М. Карамзина. Николай Михайлович читал гусару и лицеисту отдельные главы «Истории государства Российского», готовившейся к печати. Бывал Александр и на квартире Чаадаева (Набережная Мойки, 40), где проходили беседы на политические и литературные темы. Позднее, описывая кабинет Онегина, Пушкин вспоминал обстановку, в которой жил его друг:

*Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в гранёном хрустале;*

*Гребёнки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щётки тридцати родов —
И для ногтей и для зубов.*

Лицеист и боевой офицер говорили об истории, философии и нравственности. По воспоминаниям Д. Н. Свербеева, Чаадаев «обзывал Аракчеева злодеем, высших властей военных и гражданских – взяточниками, дворян – подлыми холопами, духовных – невеждами, всё остальное – коснеющим и пресмыкающимся в рабстве».

Пётр Яковлевич знал А. С. Грибоедова, П. И. Пестеля, С. Г. Волконского, С. И. Муравьёва-Апостола; вообще был близок к ранним декабристским организациям. В беседах с молодым поэтом приобщал его к идеям, которые исповедовал и которые тому не были чужды.

Пушкина поражала эрудиция Чаадаева. Он был хорошо знаком с трудами французских просветителей и новой французской литературой, занимался изучением трудов Локка, Канта, Шеллинга и других философов.

Неожиданно оказавшись в кишинёвском захолустье, Пушкин в надежде на скорое возвращение в столицу писал, обращаясь к Петру Яковлевичу:

*О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привет?..
Как обниму тебя! Увижу кабинет,
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель.
Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
С тобою вспоминать беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры;
Поспорим, перечтём, посудим, побраним,
Вольнолюбивые надежды оживим,
И счастлив буду я...*

П. Я. Чаадаев был на пять лет старше Александра Сергеевича. Как и Пушкин, родился в Москве в старинной дворянской семье. Мать его была дочерью историка М. М. Щербатова. Учился Пётр Яковлевич в Московском университете на словесном отделении.

В чине подпрапорщика Чаадаев сражался при Бородино, был награждён орденом Святой Анны IV степени и железным крестом. Участвовал в заграничных походах русской армии. В конце 1817 года был назначен адъютантом командира отдельного гвардейского корпуса генерала И. В. Васильчикова, расположением которого неизменно пользовался.

В дни возмущения рядовых Семёновского полка (1820) Чаадаева направили с известием об этом к царю, который находился в Троппау. По-видимому, из сочувствия к восставшим он не спешил. Александр I узнал неприятную новость от Меттерниха, министра иностранных дел Австрии, чем был недоволен. Весьма щепетильный в вопросах чести Пётр Яковлевич подал в отставку.

Пётр Яковлевич был неординарным человеком: вызывал у окружающих удивление оригинальностью мышления, задумчивым взглядом и одеждой. Одевался изысканно, полагая, что забота о внешности говорит о самоуважении личности. Об этой особенности Петра Яковлевича Пушкин упомянул позднее в первой главе «Евгения Онегина»:

*Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.
Второй Чадаев, мой Евгений...*

Чаадаев внешне производил весьма благоприятное впечатление: бледное лицо, казалось, было высечено из мрамора, серо-голубые печальные глаза светились добротой, но иронически улыбались тонкие губы. Одевался он очень тщательно – «как денди лондонский».

П. Я. Чаадаев

То, что Пётр Яковлевич красив, отмечали тонкие ценители светских салонов. Е.Н.Орлова говорила, что в её время Чаадаев был «самым заметным и самым блистательным из всех молодых людей Петербурга». К тому же он оказался ещё и оригинальным мыслителем.

В 1823 году Чаадаев выехал за границу. Посетил Англию, Францию, Италию, Швейцарию и Германию. Незаурядный ум и блистательное образование дали ему возможность встретиться с замечательными учёными и мыслителями Гумбольдтом, Кювье, Шеллингом. Пребывание в западной Европе отдалило Петра Яковлевича от деятелей тайных обществ России. События 14 декабря произошли в его отсутствие.

Политическая реакция, наступившая после разгрома движения декабристов, наложила сильный отпечаток на всю жизнь Чаадаева, на его историко-философские взгляды, сделав их глубоко пессимистическими. На многие годы он заключил себя в духовное одиночество. Идеи, разработанные за период духовного томления, Пётр Яковлевич изложил в «Философическом письме», опубликованном в 1836 году в журнале «Телескоп».

В ответ на политическую реакцию самодержавия Чаадаев выступил с суровым обвинением России: её истории и культуры, самого русского народа. По его мнению, русские не дали миру ни одной полезной идеи, ни одной великой мысли. «Мы живём одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мёртвого застоя», – с горечью писал он. В это время (середина 1830-х годов) Чаадаев был склонен скептически оценивать даже события Отечественной войны 1812 года; восстание декабристов считал громадным несчастьем, отбросившим нас на полвека назад.

С горечью и недоумением читал Пушкин «Философическое письмо» того, кто дал когда-то так много для его юношеского ума. Ответ Александра бывшему наставнику был проникнут болью и гордостью за свой народ. «У нас было своё предназначение, – писал он другу молодости. – Это Россия, это её необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Нашим мученичеством развитие католической Европы было избавлено от всяких помех... Что же касается нашей исторической никчёмности, то я решительно не могу с вами согласиться».

Перечислив ряд выдающихся государственных и политических деятелей России, представителей её культуры и науки, Пушкин так закончил свой ответ Чаадаеву: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

Пушкин и другие читатели философа получили ответ на свои вопросы в его «Аполологии сумасшедшего»: «Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества своего народа. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит её».

Словом, Пётр Яковлевич Чаадаев был не безответственным критиканом, а страдальцем и печальником земли Русской.

«Мгновенью жизни будь послушен» Столица

Колебания. Весна 1817 года прошла в нетерпеливом ожидании свободы от стеснительных ограничений учебного заведения. Обращаясь к однокашникам, Пушкин писал:

*Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.*

Впереди была служба – военная или гражданская. Внешне привлекательнее была первая, но не хотелось прятать свой ум под кивер. Не радовала и перспектива канцелярской работы:

*Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора...*

Так чего же хотел поэт, только-только отметивший своё восемнадцатилетие?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.